

Л. А. Демина

**МОДЕЛИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ДИАЛОГА
И ПЕРЕСМОТР ПАРАДИГМЫ СМЫСЛА
В ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ**

Рассматривается проблема конвенционального характера иллокутивных актов; излагаются различные точки зрения на данный вопрос. Кроме того, автор обосновывает общепhilosophical значение теории речевых актов, восходящее к проблеме интерсубъективности познания.

The article deals with the problem of the conventional character of speech acts; different points of view are scrutinized. The author substantiates general philosophical meaning of speech act theory, which goes back to the problem of the intersubjectivity of cognition.

Конвенциональный характер иллокутивных актов является одним из наиболее дискутируемых вопросов теории речевых актов. Так, Дж. Остин постоянно подчеркивает, что единственное, что вносит иллокуция в речевой акт — это не дополнительная, в придачу к локуции, референция, указывающая, например, на последствия речевого акта, а лишь *конвенции иллокутивной силы как значение определенных особых обстоятельств в случаях осуществления употреблений* (выделено мною. — Л. Д.) [2, с. 99].

Там же Дж. Остин отмечает, что каждое действие является конвенциональным и нуждается в «построении», осуществляемом судьями. (Под «судьями» имеются в виду лица, которые в состоянии решать, были ли соблюдены необходимые для осуществления конвенции условия). Таким образом, выделяются три способа достижения эффективности иллокутивного действия:

а) совершение иллокутивного действия включает в себя обеспечение его усвоения (т. е. понимания со стороны слушающего или, шире, адресата данного действия);

б) данное действие осуществляется как акт, изменяющий ход событий, положение дел в мире («слово-дело»), как происходит, например, при крещении ребенка, наименовании корабля, осуществлении акта бракосочетания и т. п.;

с) иллокутивное действие требует ответа, другого действия со стороны говорящего или другого лица (посредством конвенции или практического следствия — например, обещание, которое нужно исполнить).

Дж. Остин называет это «тремя смыслами» иллокуции, отвечающими на вопрос «как мы используем язык?» или «что мы делаем, произнося какие-либо слова?», и отмечает, что «эта доктрина совершенно отлична от той, о которой говорят прагматисты: что истина — это то, что работает, и т. д. Истинность или ложность утверждения зависит не только от значений слов, но и от того, какое действие вы совершили и при каких обстоятельствах» [3, с. 103—104, 121].

В этом смысле интересно сравнить позицию Дж. Остина с позицией Л. Витгенштейна, рассматривающего предложения, содержащие в качестве предваряющей некоторое описание части «я знаю» как лингвистическую конструкцию. У Дж. Остина эта фраза является частью конвенциональной процедуры, подобной другим «ритуальным» фразам («я предупреждаю», «я заявляю»), или выражениями, соединяемыми с придаточным предложением союзом «что» и, соответственно, вводящими такое предложение как косвенный контекст (контекст мнения). В этом случае все такого рода фразы относятся к тому, что Б. Рассел называл «пропозициональными установками», и принципиальной разницы между ними по характеру нет — все они вводят в контекст возможные объекты, т. е. объекты миров мнения высказывающегося. Рассматривая этот подход в традиционной аналитической дихотомии *de re/de dicto*, можно сказать, что все наши высказывания — *de dicto*, конструкция же *de re* является некой интерпретацией-абстракцией (абстрагирующейся, прежде всего, от субъекта высказывания).

Возражая рассматриваемой позиции конвенциональности речевых актов, П. Стросон, развивая некоторые идеи, выска-

занные Г. Грайсом [1, с. 217—237], справедливо подчеркивает, что, по существу, можно выделить два более-менее отчетливых критерия конвенциональности иллокутивных актов (по Дж. Остину): это, во-первых, возможность эксплицирования иллокутивной силы посредством перформативной формулы¹ и, во-вторых, существование внеязыковых конвенций, которые и определяют дополнительную иллокутивную силу актов (силу приказа, просьбы, совета, убеждения).

Однако, отмечает он, существует множество ситуаций, когда осуществление иллокутивного акта не починается какой бы то ни было конвенции, кроме чисто языковых (например, обращение к конькобежцу: «Там тонкий лед»).

Для объяснения возникшего расхождения П. Стросон предлагает обратиться к понятию субъективного значения говорящего (введенному Г. Грайсом), соединяющему силу высказывания с его интенциональностью (которая трактуется в данном случае как намерение говорящего). Так, говорящий (Г) выражает субъективное значение при помощи высказывания Х, если Г намерен произнесением Х вызвать определенную реакцию (результат) R у слушающего (С) и предполагает, что С опознает его намерение, а также, что это опознание намерения со стороны С будет основанием (по крайней мере, частичным) для соответствующей реакции (результата) R.

Важным моментом в этом определении является то, что обеспечение R со стороны С, считается опосредованным через обеспечение другого (и всегда когнитивного) эффекта в уме С, а именно распознавания намерения Г обеспечить искомый R. Таким образом, иллокутивная сила рассматривается как своего рода интенциональный комплекс, сложное намерение говорящего (что тождественно «значению говорящего»).

Понятие «понимания» со стороны слушающего субъективного значения говорящего, по мнению П. Стросона, го-

¹ Это так называемая «перформативная гипотеза», суть которой состоит в идее представления структуры предложения в виде схемы типа «Я+перформативный глагол+имя адресата+основная пропозиция».

раздо более существенная черта иллокутивных актов. Это понятие он вводит как дополнение к грайсовскому анализу субъективного значения, и оно предполагает, что для того, чтобы говорить о «понимании», необходимо выполнение ряда условий:

а) наличие сложного намерения указанного типа у говорящего (Г);

в) чтобы слушающий (С) считал, что Г имеет именно то намерение, которое есть у Г в действительности.

Но при этом не предполагается наличия каких-либо экстралингвистических конвенций, которые придавали бы иллокутивному акту завершенность (кроме чисто лингвистической конвенции — возможности эксплицитного выражения перформативной формулы: «Это предупреждение» и т. п.). Но вряд ли такая возможность может послужить основанием для отнесения речевого акта к тому или иному типу.

Исследуя вопрос о соотношении интенциональности иллокутивных актов и их конвенциональности, П. Стросон делает выбор в пользу первого понятия, подчеркивая, что попытка определенного воздействия на поведение человека не входит в структуру акта говорения: мы обеспечиваем усвоение, выполняя акт общения, который мы собирались выполнить, в том случае, если слушающий понимает, что мы ему сообщаем.

С другой стороны, существуют иллокутивные акты, являющиеся по своей сути конвенциональными, в которых социальные процедурные конвенции приобретают гораздо большее значение: бракосочетание, объявление приговора, решение спортивного судьи, объявление ставки игроком и т. п. Но, по мнению Стросона, такие конвенционально-конституированные процедуры не составляют ни общения в целом, ни наиболее фундаментальной его части.

В целом, можно согласиться с резюме Дж. Серля относительно соотношения интенциональности и конвенциональности речевого общения: это одна из самых важных нерешенных проблем современной философии языка. Сама проблема при этом формулируется так: в какой мере такие основные иллокутивные понятия, как утверждение, вопрос, обещание и т. п.,

можно истолковать, не пользуясь такими понятиями, как правило или соглашение, а пользуясь понятиями намерение, реакция, ответ, процедура и т. п. [5, с. 18].

По-видимому, наиболее перспективным является стремление уловить при анализе речевой деятельности сочетание интенциональных и конвенциональных аспектов, понять характер языковых конвенций и их связь с речевой деятельностью и конституирующими ее правилами.

Самим Дж. Серлем предпринимается весьма многообещающая попытка построить более точную, чем это делает Дж. Остин, таксономию иллокутивных актов на основе различения двенадцати лингвистически значимых параметров (такими базисными категориями иллокутивных актов являются репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации). Наиболее важными параметрами речевых актов при этом являются: иллокутивная цель, направление приспособления (слова к миру или мира к словам), а также условие искренности акта (подробнее об этом см. [4]).

В связи с этим необходимо отметить следующее: принятие иллокутивной цели в качестве базисного понятия (при условии рассмотрения и остальных параметров показателей иллокутивной силы) позволяет сгруппировать различные способы использования языка таким образом, когда оказывается, что их число довольно-таки ограничено, причем, в одном высказывании может быть совершено несколько различных действий.

Принятие, например, предложенной Дж. Серлем классификации речевых действий позволяет уточнить введенное Л. Витгенштейном понятие языковой игры, следуя линии: тип иллокутивного действия — вид языковой игры — способ употребления языка. Таким образом, уточняется понятие смысла как способа употребления языкового выражения.

Смысл, порождаемый высказываниями естественного языка, обусловлен не только синтаксическими и семантическими характеристиками самого выражения, но и референциальными связями высказывания с конкретной ситуацией его употребления, с обстоятельствами диалогического общения.

На это, в частности, указывается в теории речевых актов в связи с введенным Г. Грайсом понятием импликатуры речевого общения и соответствующих постулатов [1].

Это компоненты содержания высказывания, которые непосредственно не входят в смысл предложения, но следуют из ситуации речевого акта, то, что подразумевается, на что намечается, что имплицуется из высказывания. Такого рода импликатуры могут быть как конвенциональными, так и не конвенциональными — в этом случае они непосредственно связаны с определенными характеристиками речевого общения.

Наличие общей цели выражается в «Принципе Кооперации», на который опираются постулаты речевого общения (например, «твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется», «твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется» и т. п.). Данные постулаты, соблюдение которых необходимо для достижения успешности диалога и которым, по мнению Г. Грайса, люди научаются в детстве и не теряют эту привычку в дальнейшем, порождают определенные коммуникативные импликатуры, причем каждому постулату соответствуют свои импликатуры. Например, в соответствии с постулатом «не лги» мы ведем себя исходя из предположения искренности (намерений, помыслов, слов) собеседника, партнера.

Коммуникативная импликатура — это то, что логически выводимо. Основой для такого вывода являются: 1) конвенциональное значение использованных слов и знание всех их референтов; 2) принцип кооперации и постулаты; 3) контекст высказывания — как лингвистический, так и в более широком смысле этого слова; 4) фоновые знания участников; 5) допущение, что вся указанная релевантная информация доступна для всех участников коммуникации и что они знают (предполагают), что это так.

Подобные импликатуры, позволяя выявлять неэксплицитные компоненты смысла, могут служить эффективным инструментом анализа речевых актов, особенно косвенных (когда, например, вопрос косвенно содержит просьбу), не прибегая

при этом к шаблону «неоднозначности языка» и «нерационализируемости понимания».

Неконвенциональные импликатуры ориентированы, прежде всего, на успешность речевого акта, т. е. на прагматические аспекты, но в то же время предполагают знание конвенциональных значений. В этом плане представляется возможным говорить о том, что они также предполагают (включают) использование конвенциональных импликатур, которые более традиционно называются презумпциями.

Несмотря на определенную иллюзорность гармонии речевого общения, якобы устанавливаемую постулатами Г. Грайса, следует отметить это как попытку выявить факторы, влияющие на формирование и понимание смысла высказывания и текста, в конечном счете, в процессе коммуникации.

В целом, введенные понятия позволяют говорить о различных видах скрытой информации текстов как тех сведений, которые будучи эксплицитно не выражены в высказывании, тем не менее, имеются в виду говорящим и слушающим — сюда относятся импликатуры, презумпции, коннотации, следствия, правдоподобные заключения, гипотезы и т. п. Все это — неявные компоненты смысла, проявляющиеся лишь в процессе речи, коммуникативного диалога и вносящие свою лепту в формирование целостного смысла высказывания. В этом плане выглядит оправданной точка зрения на понимание как рациональный процесс, при котором герменевтические процедуры рассматриваются как разновидность общенаучного гипотетико-дедуктивного метода.

Таким образом, на основании проведенного анализа рассмотренные концепции могут быть объединены как логико-коммуникативная парадигма смысла.

Говоря о теории речевых актов, следует подчеркнуть, что, несмотря на явный «лингвистический уклон», данная теория имеет важное общеполитическое и логико-гносеологическое значение.

Прежде всего, отметим стремление к строгости и точности инструментария, присущее разработчикам этой теории. Не

случайно она рассматривается в рамках аналитической парадигмы: во многом ее авторы вдохновлялись стремлением распространить принцип композиционности, сформулированный Г. Фреге, на область речевого взаимодействия; установить такие структуры и правила их преобразования, которые позволили бы исходя из интерпретации составных частей речевого общения получить интерпретацию целого.

В теории речевых актов в сферу прагматики включаются такие понятия, как коммуникативные намерения, цели коммуникации, психологические и поведенческие реакции, социальные конвенции и последствия актов коммуникации. Введение в контекст исследования таких важных для аксиологии категорий, как категория цели, а следовательно, и целенаправленной деятельности человека, ставящей перед ним задачу выбора способов достижения цели, модальностей намерений, расширяет гносеологические основания формирования смысловой парадигмы, вводя в нее параметры человеческой субъективности.

Теория речевых актов во многом способствовала развитию современной теории аргументации, с одной стороны, обогащая формально-логические методы анализа высказываний (как локутивных актов) неформальной методологией исследования аргументационных процессов (иллокутивных актов), с другой стороны, вводя, в частности, через выделение перлокутивных актов, в современные исследования философии языка традиционную риторическую тематику. Полученные в теории результаты позволяют рассматривать ее как шаг в направлении углубления наших представлений о коммуникативно-деятельностной природе смысла.

Если рассматривать речевой акт более широко — как один из видов социального взаимодействия, то логико-коммуникативную парадигму смысла можно трактовать как часть более общей — коммуникативной — парадигмы. В этом теория речевых актов смыкается с «общей теорией коммуникативного действия», разрабатываемой Ю. Хабермасом.

Язык в концепции Ю. Хабермаса — это средство коммуникации, способствующее достижению взаимопонимания, но коммуникативное действие не исчерпывается актом достижения понимания: оно включает в себя как цели коммуникации, так и способы координации усилий в достижении этих целей (см. [6, р. 101]). Таким образом, понимание языка расширяется — это и средство взаимопонимания, и средство координации действий участников коммуникативного акта. В соответствии с этим расширяется и понимание формирования коммуникативных и интерсубъективных смысловых структур. В процессе обучения языку происходит овладение универсальными базисными структурами и правилами, лежащими в основе способности общения («коммуникативной компетенции»).

В смещении философских интересов от «парадигмы сознания» к «парадигме языка» происходит пересмотр классической теории познания: на место «субъект-центристского» разума встает «коммуникативный разум»; классическому субъект-объектному подходу противопоставляется субъект-субъектная теория социального взаимодействия на основе языковой коммуникации. Интерсубъективность познания при таком подходе обеспечивается за счет использования рациональных оснований для обоснования суждений, мнений, точек зрения. Универсальность значимости (осмысленность) тех или иных норм, действий рассматривается как аргументативное правило практического дискурса. Коммуникативный дискурс (этический, политический, правовой) открывает возможность достижения единства на основе жизненной общности между различными субъектами. В то же время здесь происходит выход в область феноменологии социального, основанной на принципе интерсубъективности, или, иначе, общих или «разделенных» смыслов.

Мир как среда человеческого бытия, социальный мир, включающий все социальные и культурные явления, строится на основе повседневной интерсубъективности, состоящей из взаимных, обоюдонаправленных актов изложения и интерпретации смыслов. Акт изложения (смыслосодержащий акт) каждого Я-субъекта опирается на определенные ожидания: ожи-

дания того, что его поймут именно в том, а не ином смысле. Поэтому схема изложения ориентирована на восприятие другими, строится с учетом их возможной схемы интерпретации. С другой стороны, интерпретируя смысловые акты других, субъект стремится понять тот смысл, который они вкладывают в свои коммуникативные акты. На основе такого рода коммуникации (дискурса — в широком смысле слова) возникает интересубъективность смысла, то общее, что составляет основу социального мира, как индивидуального, так и всеобщего.

Таким образом, на основании рассмотрения коммуникативного дискурса мы можем учесть следующую функциональную характеристику смысла: быть способом употребления в процессе коммуникации.

Исследование путей и способов формирования коммуникативного подхода к пониманию проблем смыслообразования в языке показывает, что на его основе формируется новая, логико-коммуникативная парадигма смысла, которая, с одной стороны, опирается на достижения предыдущего этапа развития аналитической философии (философии логического анализа), с другой стороны, идет дальше, критически пересматривая ряд основополагающих гносеологических и методологических принципов.

Неизбежность возникновения новой парадигмы обусловлена ограниченностью формально-структурной концепции смысла, ее ориентацией на исследования формализованных языков, языков науки и обращением к изучению более широкого класса контекстов естественного языка. При этом происходит расширение оснований гносеологического анализа, включение в методологию исследования аксиологических аспектов, связанных, с одной стороны, с деятельностной, целеоориентированной концепцией познания, с другой стороны, с учетом субъективности познания, включения в принципы методологического анализа понятия субъекта с его установками знания, мнения, веры. Это означает переход к прагматизированным концепциям смысла, учитывающим фактор человеческого мироотношения и миропонимания, формирования

смысла как результата человеческой деятельности, связи языка и форм жизни, соединение речи и действия.

Обращение к контекстам с пропозициональными установками (знания, мнения, веры) показывает, что они являются «референциально непрозрачными», в них не выполняются принципы классической теории референции: принцип взаимозаменяемости и принцип предметности. Поэтому понятие смысла в такого рода контекстах, интенциональных по своей природе, начинает играть гораздо более существенную роль, чем в экстенциональных языках. В них возникает проблема тождества по смыслу, а смысл зависит от субъекта пропозициональной установки (во что он верит, чего желает, что знает). Сохранение смысла при интерпретации пропозициональных установок выходит на первый план; для решения этой задачи предлагаются специальные логико-семантические методы, в частности, метод разграничения широкого и узкого контекста (и исследование связанных с ним проблем изменения смысла, возникающих при погружении узкого контекста в широкий), метод определения области действия дескрипции (для контекстов, содержащих определенные дескрипции), *de re* и *de dicto* интерпретация.

Целью использования данных методов является разграничение референциального (обозначающего предмет) и нереференциального вхождения сингулярного термина, с тем, чтобы избежать парадоксов смысла при интерпретации. Уточнение условий референциальности сингулярных терминов означает поиск критериев адекватности интерпретации и понимания смысла и значения (референции, отнесенности к объекту) как отдельных терминов, так и контекста в целом. Следовательно, это связано с референциальностью самого контекста и с возможностью его «прозрачной» (указывающей на объект) интерпретации. Для достижения «прозрачности» понимания «непрозрачных» контекстов необходим также учет прагматических требований к интерпретации, выражающихся в предложенном разграничении ролей субъекта пропозициональной установки и интерпретатора. В этом случае, как показано, дос-

тигается как контекстуальная, так и внеконтекстуальная соотносительность языковых выражений, смысл релятивизируется относительно субъектов высказывания, интерпретатора, ситуации передачи высказывания (речевого акта), возможного мира.

Вывод, следующий из предложенного анализа пропозициональных установок, состоит в том, что чем выше сложность и неоднозначность контекста, тем более при его анализе возрастает роль подходов и методов, связанных с интенциональными, смысловыми сторонами языка, а также с учетом прагматических факторов, указывающих на роль субъекта высказывания, фонда его знания, его установок, функции интерпретатора и интерпретации. Здесь уже обозначен переход к функционально-инструменталистским концепциям смысла, рассматривающим смысл как способ его употребления в языке и шире — в речи.

Смещение акцентов исследования с анализа языка как системы на анализ языка как речевой деятельности характерно для позднеаналитической философии, начиная с работ Л. Витгенштейна периода «Философских исследований» и кончая теорией речевых актов Дж. Серля, Дж. Остина, П. Стросона, Г. Грайса. В этих работах получает дальнейшее развитие понятие смысла как парадигмы, обосновывающей употребление и понимание языка. Исследование данных теорий позволило выявить как их ограниченность, состоящую в рассмотрении по преимуществу актов речи в ситуации непосредственного общения говорящего со слушающим, так и «приращение знания», заключающееся в выявлении ими новых аспектов понятия смысла. В сферу анализа включается широкий круг нормативных и оценочных высказываний, утверждений этики и эстетики, носящих существенно ценностно-смысловой характер. Развивается понимание субъективности: язык рассматривается в качестве возможности реализации личностного начала в человеке, как реализация диалектического единства человеческого «я» и общества, происходящего в речевом взаимодействии. Все это выражается в происходящем пересмотре понятия смысла.

Показано, что в теории речевых актов единое понятие смысла «расщепляется» в соответствии с типами речевого действия, составляющими в совокупности речевой акт, на смысл как содержание высказывания, смысл как употребление и смысл как намерение. Особое значение придается смыслу как употреблению, ибо именно в его введении и способе рассмотрения состоит существенная новизна данной теории. Для выяснения его роли в коммуникативном диалоге важно учитывать роль конвенций как особого рода обстоятельств и условий, необходимых для обеспечения эффективности при произнесении того или иного выражения. Таким образом понятый смысл по-иному вносит свой вклад в определение истинности или ложности утверждения: истинность рассматривается как зависящая не только от семантических значений слов, но и от тех действий, которые были совершены (с учетом обстоятельств места, времени и участвующих лиц).

Важным понятием, уточняющим понимание смысла, является понятие импликатуры речевого акта как компонента, непосредственно не входящего в смысл предложения, но выводимого в качестве следствия из ситуации речевого акта. Конвенциональные и неконвенциональные импликатуры позволяют выявить неэксплицитные характеристики смысла как виды скрытой информации, которые проясняются в процессе коммуникативного диалога и способствуют формированию целостного смысла высказывания.

На основе анализа основных идей и положений теории речевых актов, развивающих логико-коммуникативную парадигму смысла, можно сделать вывод, что наиболее перспективным направлением в анализе проблемы смысла является сочетание интенциональных и конвенциональных аспектов речевой деятельности, позволяющее понять характер речевой деятельности и конституирующих ее правил. Выход из данной парадигмы в более широкий контекст теории коммуникации позволяет по-новому взглянуть на обоснование intersubjectивности познания — как результата социального взаимодействия на основе языковой коммуникации, обеспечиваемого

рациональными основаниями в сочетании с аргументативными правилами практического дискурса. С другой стороны, сам феномен социального может быть рассмотрен как основанный на intersubjectивности общих смыслов, возникающих как результат взаимоинтерпретации в процессе коммуникации.

Список литературы

1. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение / Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217—237.
2. *Остин Дж.* Как совершать действия при помощи слов? / Избранное. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. кн., 1999.
3. *Остин Дж.* Слово как действие / Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17.
4. *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов / Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170—194.
5. *Философия языка* / Ред.-сост. Дж. Р. Серль. М.: Эдиториал УРСС, 2004.
6. *Habermas J.* The theory of communicative action. L.: Heinemann, 1984. V. 1.

